

by Sir Walter Scott

Вальтер Скотт

IVANHOE

АЙВЕНГО

Перевод Е. Г. Бекетовой

Учебное пособие

Метод параллельных текстов

ШКОЛЬНЫЕ

ТЕХНОЛОГИИ

УДК 811.111
ББК 81.2 Англ-93
С 44

С 44 Скотт В. Айвенго = Walter Scot. Ivanhoe. Учебное пособие. Метод параллельных текстов
А.М. Кушнина. — М.: Школьные технологии, 2020. — 828 с.

ISBN 978-5-521-76538-6

Учебное пособие для изучения английского языка методом параллельных текстов. «Параллельные тексты» являются составной частью природосообразной модели обучения, разработанной психологом Алексеем Кушником. Принципиальное отличие этой модели в том, что в её основе лежит не лингвистика, а закономерности психофизиологии — механизмы работы мозга, психики, личности. Человек осваивает что бы то ни было благодаря именно этим механизмам, а не сообразно предметной парадигме математики, географии или лингвистики. Именно поэтому переход на природосообразные алгоритмы обучения позволяет значительно увеличить эффективность учебного процесса. Пособие предназначено для использования в учебном процессе, а также для самообразования.

ISBN 978-5-521-76538-6

ББК 81.2 Англ-93

Моим учителям посвящается...

Вместо предисловия

Вы держите в руках учебную книгу, которая является частью проекта «EnglishUpSelf». Это глубоко личный проект, поскольку стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но как оказалось, была некая предпрешённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду я на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были ровные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла повсеместная борьба за «средний балл». Это что-то вроде вселенской войны за баллы ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, видимо, приняли во внимание заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка парни!».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же весь извёлся сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой.

К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий-четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно нравилось токарное дело... И мыслил я так, что незачем тратить время на алгебру или историю, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка по немецкому терзала и требовала реванша, и терзания те привели прямоком на факультет иностранных языков.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен... Преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Товарики по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась день и ночь... Мозг извортливо искал виновных, подсказывал чьи-то просчёты в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог вошёл в русло дотошного анализа и поиска. И я пришёл к выводу, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим в гостях у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку «Алиготе» за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!? «Три товарища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с книгой на «домашке», препарируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали и переводили... Немецкий пока ещё так себе,

анатомы-препараторы те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джером К. Джерома на русском не выдают. Не я первый, значит.

«Per aspera ad astra...», это принципиально!

Недолго думая попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С окна третьего этажа общежития на тротуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая растаявшие остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. Я не по-детски ругнулся залпом... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40.

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться.

Постепенно выстраивался алгоритм беспроblemного, лёгкого освоения иностранного языка, который окончательно оформился в метод обучения к концу второго курса. Теперь у меня было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло. Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении нас, но увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили.

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так я впервые, в 1978-м, оформил свои методические мысли письменно. И только в 1997 году мне удалось повторить этот «подвиг». В качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного языка».

Мне, студенту, удалось разработать эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», довелось много позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике по улице Сивцев Вражек, на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это был действующий кандидат в члены ЦК КПСС... Разговорились. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысках. Удивительно то, насколько ему всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих

собеседников в моей жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голосов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтовик, в ходе обсуждения высказал абсурдную на первый взгляд мысль: «А что же делать с передачами на немецком, английском языках? Как их глушить?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост. Он попросил капитана пояснить свой вопрос. «У нас на фронте, кто призвался после средней школы, сразу становились переводчиками...», — ответил капитан. Присутствующие на совещании фронтовики подтвердили массовость этого факта. И к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки. Настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный». В считанные недели, месяцы из обихода и библиотек исчезла методическая литература по «устаревшей методике», а переподготовку прошли все учителя страны. С тех пор в СССР и в России язык все учат, но никто не знает. Таким образом, неэффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков.

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по западным лекалам. Но и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно непригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и некоторых успешных спецопераций, и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Дело в том, что для нас эта история типична, она встречается в судьбе любой инновации и каждого изобретателя в нашей стране.

Да, действительно, ещё тогда, в 70-х, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Мои испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный тогда

алгоритм учебной работы по-прежнему недостижим по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет? Это и есть причина рассказывать эту историю.

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмотрите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в предисловии к учебной книге? Не знаю! Иногда мне кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех углях...

Вспомните начало 90-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства, несколько лет творческого полёта в будущее! Думали, теперь это навсегда...

Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР ему и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас как от чумного. Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцарий, сингапуров и прочих америк, то welcome...

Что с нами?

Может, не сетовать на «особенности национальной инновации» да не ныть про всеобщую инновационную тупость, а выпекать эти «методические пирожки» и делом обосновывать достоинства подхода?

Несколько слов надо сказать об аналогах. Такие и похожие книги есть, достаточно давно выпускаются, но используются иначе, в рамках другой методологии. В нашей системе обучения книги с подстрочником используются несколько иначе, но об этом — отдельно. Пишите: kushnir-narobr@yandex.ru

Итак, перед вами учебная книга. Инструкция к ней очень проста: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, подглядывайте в подстрочный перевод. Не смущайтесь, если вам покажется, что подстрочник слишком далёк от оригинала. Главное не буква, а дух, ведь это художественное произведение, которое допускает определённую свободу толкования. В любом случае, от книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Ваши успехи будут ещё более заметными, если вы воспользуетесь нашей системой обучения в полном объёме. Что для этого нужно? Тоже всё просто: свяжитесь с нами по телефону 495-972-59-62 или по электронной почте kushnir-narobr@yandex.ru

Книга издаётся с переводом Елизаветы Григорьевны Бекетовой (1834 — 1902), матери переводчиц и поэтесс Е. А. Бекетовой, М. А. Бекетовой, бабушки А. А. Блока. Образование Елизавета Григорьевна получила самостоятельно. В 1854 году вышла замуж за ботаника и публициста А. Н. Бекетова. В семье поддерживала интерес к литературе, что оказало серьёзное влияние на становление художественных вкусов А. А. Блока. Свободно владела основными европейскими языками. Е. Г. Бекетова переводила произведения В. Скотта, Ч. Диккенса, В. Гюго, Оноре де Бальзака, О. Голдсмита, Ги де Мопассана и др. Некоторые переводы Бекетовой продолжали переиздаваться. Так в 1950-х и 1960-х годах вышли сокращённый вариант «Давида Копперфильда» Диккенса, «Айвенго» В. Скотта.

Алексей Кушнир

IVANHOE

Айвенго

by Sir Walter Scott

Вальтер Скотт.

INTRODUCTION

ПРЕДИСЛОВИЕ

The Author of the Waverley Novels had hitherto proceeded in an
Автор романов Уэверли до сих пор шёл неослабевающим курсом
unabated course of popularity, and might, in his peculiar district of
популярности и мог бы в своей особой литературной области называться
literature, have been termed “L'Enfant Gate” of success. It was plain,
“L'Enfant Gate” успеха. Однако было ясно, что
however, that frequent publication must finally wear out the public favour,
частые публикации должны были окончательно изнурить общественное благоволение,
unless some mode could be devised to give an appearance of novelty to
если только не будет изобретен какой-нибудь способ придать видимость новизны
subsequent productions. Scottish manners, Scottish dialect, and Scottish
последующим произведениям. Шотландские манеры, шотландский диалект и
characters of note, being those with which the author was most intimately,
примечательные шотландские характеры, с которыми автор был наиболее близко и
and familiarly acquainted, were the groundwork upon which he had
хорошо знаком, были той основой, на которую он до сих пор опирался для
hitherto relied for giving effect to his narrative. It was, however, obvious,
осуществления своего повествования. Но такая односторонность,
that this kind of interest must in the end occasion a degree of sameness and
несомненно, должна была привести его к некоторому однообразию и
repetition, if exclusively resorted to, and that the reader was likely at length
повторениями и заставила бы наконец читателя заговорить языком Эдвина
to adopt the language of Edwin, in Parnell's Tale:
из «Повести» Парнелла:

“Reverse the spell,' he cries,
Кричит он: «Прекрати рассказ!

'And let it fairly now suffice.
Уже довольно! Хватит с нас!

The gambol has been shown.
Брось фокусы свои!»

Nothing can be more dangerous for the fame of a professor of the
Нет ничего опаснее для репутации профессора изящных искусств (если

fine arts, than to permit (if he can possibly prevent it) the character of a
только в его возможностях избежать этого), чем приклеенный к нему ярлык
mannerist to be attached to him, or that he should be supposed capable of
художника-маньериста или предположение, что он способен успешно творить лишь
success only in a particular and limited style. The public are, in general,
в одном и весьма узком плане. Публика вообще склонна

very ready to adopt the opinion, that he who has pleased them in one
считать, что художник, заслуживший её симпатии за какую-нибудь одну
peculiar mode of composition, is, by means of that very talent, rendered
своеобразную композицию, именно благодаря своему дарованию не способен
incapable of venturing upon other subjects. The effect of this disinclination,
взяться за другие темы. Публика недоброжелательно

on the part of the public, towards the artificers of their pleasures, when they
относится к тем, кто её развлекает, когда они пробуют разнообразить
attempt to enlarge their means of amusing, may be seen in the censures
используемые ими средства; это проявляется в отрицательных
usually passed by vulgar criticism upon actors or artists who venture to
суждениях, высказываемых обычно по поводу актёров или художников, которые
change the character of their efforts, that, in so doing, they may enlarge the
осмелились испробовать свои силы в новой области, для того чтобы расширить
scale of their art.
возможности своего искусства.

There is some justice in this opinion, as there always is in such as
В этом мнении есть доля правды, как и во всех общепринятых

attain general currency.
суждениях.

It may often happen on the stage, that an actor, by possessing in a
В театре часто бывает, что актёр, обладающий всеми внешними данными,
preeminent degree the external qualities necessary to give effect to comedy,
необходимыми для совершенного исполнения комедийных ролей, лишён из-за этого
may be deprived of the right to aspire to tragic excellence; and in painting
возможности надеяться на успех в трагедии. Равным образом и в живописи и в
or literary composition, an artist or poet may be master exclusively of modes
литературе художник или поэт часто владеет лишь определёнными изобразительными
of thought, and powers of expression, which confine him to a single course
средств и способами передачи некоторых настроений, что ограничивает их в выборе
of subjects.
But much more frequently the same capacity which
предметов для изображения. Но гораздо чаще способности, доставившие человеку

carries a man to popularity in one department will obtain for him success in
популярность в одной области, обеспечивают ему успех и в других. Это в
another, and that must be more particularly the case in literary composition,
значительно большей степени относится к литературе, чем к театру или
than either in acting or painting, because the adventurer in that department
живописи, потому что здесь автор в своих
is not impeded in his exertions by any peculiarity of features, or conformation
исканиях не ограничен ни особенностями своих черт лица, ни
of person, proper for particular parts, or, by any peculiar mechanical habits
телосложением, ни навыками в использовании кисти, соответствующими
of using the pencil, limited to a particular class of subjects.
лишь известному роду сюжетов.

Whether this reasoning be correct or otherwise, the present author
Быть может, эти рассуждения и неправильны, но, во всяком случае, автор
felt, that, in confining himself to subjects purely Scottish, he was not only
чувствовал, что если бы он ограничился исключительно шотландскими темами, он не
likely to weary out the indulgence of his readers, but also greatly to limit
только должен был бы надоесть читателям, но и чрезвычайно сузил бы возможности,
his own power of affording them pleasure. In a highly polished country,
которыми располагал для доставления им удовольствия. В высокопросвещенной стране,
where so much genius is monthly employed in catering for public amusement,
где столько талантов ежемесячно занято развлечением публики, свежая тема,
a fresh topic, such as he had himself had the happiness to light upon, is the
на которую автору посчастливилось натолкнуться, подобна источнику в
untasted spring of the desert;
пустыне:

“Men bless their stars and call it luxury.”

«Хваля судьбу, в нем люди видят счастье».

But when men and horses, cattle, camels, and dromedaries, have
Но когда люди, лошади, верблюды и рогатый скот замутят этот источник,
poached the spring into mud, it becomes loathsome to those who at first
его вода становится противной тем, кто только что пил её с наслаждением, а тот,
drank of it with rapture; and he who had the merit of discovering it, if he
кому принадлежит заслуга открытия этого источника, должен найти новые родники
would preserve his reputation with the tribe, must display his talent by a
и тем самым обнаружить свой талант, если он хочет сохранить уважение своих
fresh discovery of untasted fountains.
соотечественников.

If the author, who finds himself limited to a particular class of
Если писатель, творчество которого ограничено кругом

subjects, endeavours to sustain his reputation by striving to add a novelty of
определённых тем, пытается поддержать свою репутацию,
attraction to themes of the same character which have been formerly
подновляя сюжеты, которые уже доставили ему успех, его,
successful under his management, there are manifest reasons why, after a
без сомнения, ожидает неудача.
certain point, he is likely to fail.

If the mine be not wrought out, the strength and capacity of the
Если руда ещё не вся добыта, то, во всяком случае, силы рудокопа
miner become necessarily exhausted. If he closely imitates the narratives
неизбежно истощились. Если он в точности подражает
which he has before rendered successful, he is doomed to “wonder that they
прозаическим произведениям, которые прежде ему удавались, он обречён удивляться
please no more.” If he struggles to take a different view of the same class of
тому, что они больше не имеют успеха». Если он пробует по-новому подойти к
subjects, he speedily discovers that what is obvious, graceful, and
прежним темам, он скоро понимает, что уже не может писать ясно, естественно и
natural, has been exhausted; and, in order to obtain the indispensable charm
изячно, и вынужден прибегнуть к карикатурам, для того чтобы добиться необходимого
of novelty, he is forced upon caricature, and, to avoid being trite, must
очарования новизны. Таким образом, желая избежать повторений, он лишается
become extravagant.
естественности.

It is not, perhaps, necessary to enumerate so many reasons why the
Быть может, нет необходимости перечислять все причины, по
author of the Scottish Novels, as they were then exclusively termed, should
которым автор шотландских романов, как их тогда называли, попытался
be desirous to make an experiment on a subject purely English. It was his
написать роман на английскую тему. В то же
purpose, at the same time, to have rendered the experiment as complete as
время он намеревался сделать свой опыт возможно более полным, представив
possible, by bringing the intended work before the public as the effort of a
публике задуманное им произведение как создание нового претендента на её
new candidate for their favour, in order that no degree of prejudice, whether
симпатии, чтобы ни малейшая степень предубеждения, будь то в пользу автора
favourable or the reverse, might attach to it, as a new production of the
или против него, не воспрепятствовала беспристрастной оценке нового романа
Author of Waverley; but this intention was afterwards departed from, for
автора «Уэверли», но впоследствии он оставил это намерение по причинам, которые
reasons to be hereafter mentioned.
изложит позднее.